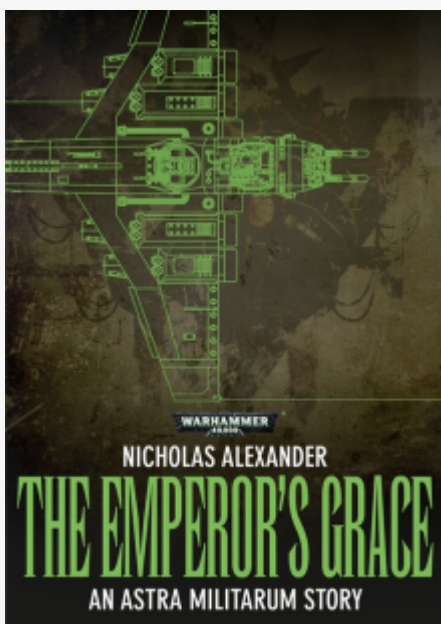

Милость Императора / The Emperor's Grace (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Милость Императора / The Emperor's Grace (рассказ)

Автор	Николас Александер / Nicholas Alexander
Переводчик	Str0chan
Издательство	Black Library
Входит в сборник	На крыльях крови / On Wings of Blood
Год издания	2014
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Двигатели «Милости» протестующе взвыли, и Микал ощутил их страдание. Чувствуя, как боль вонзается ножами в его измученные нервы, пилот ещё яростнее сжал рукоять управления «Мародёра». Взбрыкивая и резко кренясь, потрепанный бомбардировщик пробирался через верхние слои атмосферы, и казалось, что ему не дает развалиться только несокрушимый машинный дух. Микал сомневался, что хоть какая-то часть самолета осталась неповрежденной – на приборной панели горело столько тревожных сигналов, что пилот давно уже перестал смотреть на неё. Без всяких напоминаний было

понятно, как близки они к катастрофе.

Через потрескавшееся остекление кабины Микал видел посадочные огни корабля-носителя «Неудержимое наступление» - их пункта назначения и спасительного убежища. Ауспик больше не действовал, и пилоту приходилось полагаться на собственные глаза, словно мифическим капитанам кораблей на Святой Терре, в ту эпоху, когда её давно погибшие моря ещё существовали. Точно так же эти моряки, рискуя гибелью в ночи, истерзанной бурей, пытались отыскать проход в родной порт. Сейчас Микал, как и его далекие предшественники, старался не отклоняться от курса, а судно рыскало и кренилось в бурных завихрениях воздушного океана. Каждый раз, когда «Милость» сходила с траектории, пилот *втаскивал* её обратно, молясь машинному духу, чтобы от резкого маневра не сломались последние лонжероны и не отказала гидравлика.

Руки Микала болели от напряжения, мышцы шеи сводило спазмами от физической и психологической нагрузки. Так легко было бы сдаться и принять неизбежное - схватка уже заставила пилота израсходовать резервы сил, о которых он даже не подозревал. И всё же, нечто внутри Микала просто не желало признать поражение. Он не мог выказать слабость. Не мог. Показать слабость значило погибнуть - такой урок пилот выучил в детстве, прошедшем на жестоких улицах Фордроста, которые стали особенно недружелюбными к Микалу после того, как оспа покрыла рубцами правую часть его лица. Уродство научило мальчика, что в Империи нет места слабости - несчастья либо ломают тебя, либо закаляют, укрепляя физически и духовно. Железная воля Микала - лишь это держало его и «Милость Императора» в воздухе. Пока что.

Вой, доносившийся со стороны правого двигателя, изменился в тоне, и пилот тревожно взглянул на массивный обтекатель. Кто-то тихо молился.

— Держись, «Милость», держись. Мы знаем, что тебе больно, но не показывай слабость. Не надо. Слабость - это смерть.

Микал осмотрелся в поисках молящегося, но в кабине никого не оказалось.

Он остался один. Так было не всегда.

— Хватит, Трона ради, хватит, — прошептал кто-то сзади.

— Заткнись, — нахмурившись, рыкнул Микал.

Тут же раздался внезапный глухой стук, и визг терзаемого металла немедленно оборвался. С шипением раскрылись двери пассажирского лифта.

— Пора бы уже кому-нибудь смазать эти кабели, — прошептал Бернд Хоулек.

Повернувшись, Микал увидел, что его бомбардир, иронично улыбаясь, смотрит прямо перед собой.

— Пожалуй, ты прав, Бернд, — согласился капитан.

За спиной бомбардира обнаружился их тщедушный штурман, Александр Иероним.

— Виноват, капитан, — пробормотал Алекс, явно сконфуженный тем, что пилот услышал его жалобы. — Этот шум меня просто достал.

Порой Микал удивлялся, как Иероним вообще оказался во Флоте – парень выглядел так, словно едва начал бриться. Сильная бледность, результат многочасового изучения карт и пиктов, придавала ему нездоровый, недокормленный вид. На улицах, где вырос пилот, Алекс не протянул бы и пяти минут.

Впрочем, штурман должен уметь быстро соображать, а не махать кулаками.

— Сообщите о проблеме в ТО, — ответил Микал, не любивший извинений. К тому же, все они знали, что техники трудились на пределе сил, приводя самолёты в боевую готовность. Несущественные проблемы откладывались в долгий ящик.

Алекс облегченно кивнул, а командир осмотрел остальных членов своего экипажа, стоявших позади в довольно скованных позах. Дудак, Круль и Яворский спокойно встретились с ним глазами, зная, что Микал уже вошел в «предполетный режим» и разумно помалкивая. Никто не хотел, чтобы именно на нём задержался критический взгляд капитана.

— Нам на стоянку №8, — объявил Микал, выходя из неприятно тесного пассажирского лифта и оказываясь на гигантской взлётной палубе «*Неудержимого наступления*». Перед боевым вылетом корабль-носитель Имперского Флота напоминал амфитеатр, в котором бесчисленные техники и прочий персонал лихорадочно исполняли балет на тему упорядоченного хаоса. Сервиторы и палубные рабочие толкались и кружились под громогласный аккомпанемент гудков и завывающих сирен. Облака испаряющегося охладителя и выхлопные газы создавали странный, сбивающий с толку мирок внутри гигантского помещения, истинная колоссальность которого время от времени открывалась глазу благодаря пульсирующим огонькам на мостиках и обзорных платформах в вышине.

Микал вел экипаж по лабиринту, заполненному движущимися и скрывающимися в дымке препятствиями, отыскивая стоянку №8 и МИИМ2243 – «Мародёра», к которому они были приписаны на время своей первой кампании. Сегодня лётчиков ждал первый в жизни боевой вылет.

Погруженный в размышления командир почти сбил с ног палубного техника, внезапно возникшего из тумана во главе группы сервиторов. Подняв голову, тот побледнел и отступил на шаг.

— Простите... капитан... — запинаясь, произнес механик. — Виноват.

— «*Милость Императора*»! — рявкнул Микал.

— Простите, сэр?

— Где «*Милость Императора*»? — повторил пилот.

— А... МИИМ2243, вы имеете в виду? «*Милость*», сэр? Она... Она вон там... — бормотал издерганный техник, указывая на громадину «Мародёра», подсвеченную сиянием дуговых ламп. — Мы как раз закончили чинить её ауспик.

— Ауспик? — переспросил Микал. — А с ним-то какие проблемы?

Спешка, с которой 1167-е крыло перебросили с Фордроста, привела к всевозможным проблемам с обеспечением, в том числе, нехватке во флоте обученных техников. Из-за этого многие наземные бригады перебрасывали внутри эскадрильи, причем «*Милость Императора*», получившая новый экипаж, оказалась в очереди на обслуживание одной из последних. Это постоянно выводило Микала из себя.

— Н-никаких, сэр, — выдавил механик.

Услышав колебание в его голосе, пилот шагнул вперед, так, чтобы обезображенное оспой лицо оказалось неприятно близко к расширившимся глазам техника.

— Лучше бы это оказалось правдой, — сказал Микал.

— Спокойнее, капитан, — прошептал Бернд, вставая между пилотом и съёжившимся механиком. Затем бомбардир движением головы предложил несчастному вернуться к своим занятиям, и техник поспешил прочь в сопровождении ватаги трясущихся сервиторов. Насупившись, Микал смотрел, как Хоулек разбирается с ситуацией — его легкий нрав и чувство юмора резко контрастировали с раздраженной вспыльчивостью капитана. Порой командира возмущало поведение Бернда, но в глубине души он понимал, что сейчас бомбардир поступил правильно. Пилот, затевающий драку с палубным техником? О чем он думал?

— Соберись, — пробормотал Микал самому себе и повел экипаж к внушительной громадине «Мародёра».

«Милость Императора» совсем недавно вошла в состав 1167-го фордростского бомбардировочного крыла. Когда имперское Верховное Командование получило информацию о том, что Вааагх! Угскраги, массивное орочье вторжение на территории сегментума Пацификус, достиг мира Балле-прим, 1167-е было передислоцировано на борт корабля-носителя «Неудержимое наступление», став частью подкреплений, направленных для укрепления недопустимо растянутых линий обороны защитников планеты. Это бомбардировочное звено обладало репутацией мастеров своего дела и всегда выполняло поставленные перед ним задачи — во многом, благодаря безупречному руководству Аарона Рыля, командующего крылом и ведущего одной из эскадрилий. Он считал, что нанесение врагу жестоких ударов с использованием всех имеющихся сил — лучший путь к выполнению задач кампании за наименьшее число боевых вылетов. Соответственно, Рыль требовал, чтобы все бомбардировщики 1167-го несли полную нагрузку бомб и ракет, а их пилоты поддерживали плотный оборонительный строй, чтобы как можно больше машин смогли добраться до цели. Подобная жестокая логика была весьма убедительной, и пилоты уважали Аарона за это. Тот же самый посыл командир донес до них на инструктаже, посвященном сегодняшней миссии, обозначенной как «Операция „Дуговая лампа“»

Члены экипажей 1167-го сидели в комнате для совещаний, уже облаченные в противоперегрузочные жилеты, летные комбинезоны и отороченные мехом сапоги. Втиснутый между Берндом и Алексом, Микал тихо потел в окружении других, так же тепло одетых офицеров отряда, громко и запанибратски болтавших между собой.

— А вот и Рыль, — прошептал Бернд, как только невысокий, широкоплечий командир крыла поднялся на возвышение у передней стены. Коротко стриженный, черноволосый офицер с плоским носом и небольшим выступающим подбородком, он двигался, словно кулачный боец. Не будучи крупным человеком, Рыль, тем не менее, практически излучал авторитет, и пилоты 1167-го поднялись со скамей, приветствуя своего командира.

— Выглядит чуток серьезным, как по мне, — добавил бомбардир.

— Он *всегда* выглядит серьезным, — нервно пробормотал Алекс, вытягивая шею, чтобы увидеть хоть что-то над плечами стоявших впереди лётчиков.

Микал молча ждал, пока Рыль начнет говорить.

— Дамы и господа, садитесь, — велел командир, и бойцы 1167-го сели на свои места, внимательно и безмолвно глядя на старшего офицера.

— Ситуация на Балле-прим быстро меняется. Зеленокожие захватили космопорт в дельте Балле и используют его для доставки припасов и солдат, призванных поддержать их наступление на столицу планеты, Балле-главную.

Рыль оглядел сосредоточенные лица своих бойцов. Он полностью завладел их вниманием.

— Орки основали в дельте Балле фронттовую авиабазу, с которой основная часть их истребителей и истребителей-бомбардировщиков осуществляют боевые вылеты против отступающих имперских сил. Этот космопорт обладает критической стратегической важностью для исхода сражения за Балле-главную, и, соответственно, за планету в целом.

Сказав это, Аарон сделал паузу, желая убедиться, что лётчики уяснили положение по его краткой сводке. Все бойцы держали головы прямо, никто не шевелился, и Рыль продолжил в более агрессивном тоне.

— Господа! В 05:00, 1167-е вылетает с «*Неудержимого наступления*», берет прямой курс на дельту Балле и затем разносит космопорт в щебенку.

В ответ раздался топот ног, эхом отражавшийся от стальных переборок и отдававшийся по всей комнате – таким, типично прагматичным образом, офицеры крыла выражали одобрение, если руки у них были заняты инфопланшетами с подробностями миссии. Когда отголоски грохота пронеслись по палубному настилу и сотрясли скамью под Микалом и экипажем «*Милости*», капитан почувствовал, что волосы у него на шее встают дыбом. Он чуть выпрямился и подался вперед, слушая продолжение инструктажа.

— На дальней стороне космопорта орки, кажется, возводят нечто вроде башни, точное предназначение которой неизвестно, — Рыль включил пикт-экран, и изображение сдвинулось к чёрному кружку на краю площадки. Перспектива изменилась, и стало ясно, что перед ними бесформенное, но гигантское сооружение, шириной у основания вдвое превосходящее летное поле и медленно сужающееся к вершине.

— Снимки нечеткие, поскольку конструкция окружена густым смогом, или созданным умышленно с целью сокрыть детали башни, или, что более вероятно, возникшим из выхлопных газов возводящей её строительной техники, — прокомментировал Аарон. — В любом случае, орки прилагают огромные усилия для создания этой штуковины. Каким бы ни оказалось предназначение башни, мы собираемся уничтожить её до того, как строительство завершится. Итак, после сброса бомб вы наведете ракеты на эту конструкцию и обрушите её.

— Прوماхнуться будет сложно, — заметил Бернд сквозь шум топающих ног.

Когда грохот стих, Рыль возобновил инструктаж.

— Вас наверняка обрадует, что мы отправляемся туда не одни. «Громы» 38-го истребительного крыла возглавят первую волну атаки и возьмут на себя силы ПВО космопорта.

На эту новость пилоты ответили заметным *отсутствием* топота. Экипажи бомбардировщиков по опыту знали – чем бы ни занимались штурмовики, во время захода на цель по ним всё равно будут очень серьезно палить с земли.

— Есть информация о значительном количестве орочьих самолётов, расположенных на территории космопорта, — продолжил Аарон. — Так что вот ещё одна приятная новость - мы получим сопровождение «Молний» из 717-го истребительного крыла Имперского Флота.

Это сообщение лётчики встретили с большим энтузиазмом. Любой «защитный экран» моментально отвлекал на себя орочьих истребителей, часто искавших воздушных дуэлей с имперскими пилотами. Впрочем, Рыль не хотел, чтобы его экипажи занимались самоуспокоением - над целью им придется туго, какую бы поддержку ни предоставил Флот.

— Как вам известно, пилоты зеленокожих не заботятся о собственной безопасности и будут стремиться любым путем не позволить нам добраться до космопорта. Крайне важно держать строй и продвигаться к цели, что бы орки не бросали против нас.

Аарон сделал паузу, чтобы подчиненные очень ясно услышали следующие краткие инструкции.

— Не отрывайтесь, повторяю, *не отрывайтесь* от эскадрильи. Наша сила в дисциплине, и она поможет нам превозмочь врага.

«Да, и ещё заградительный болтерный огонь», подумал Микал, ощущая вновь раздавшийся топот через палубный настил.

— Итак, держитесь вместе, сбрасываете бомбы и убираетесь оттуда, — подытожил Рыль, оглядывая мрачные лица лётчиков. Он решил, что пришло время поднять бойцам настроение. — Для экипажа, который завалит башню, я припас бутылку особенно отличного амасека, так что не разочаруйте меня. Разойдись!

Заскрипели отодвигаемые скамьи - лётчики вставали, переваривая услышанное. Экипаж «*Милости Императора*» проталкивался через галдящую толпу.

— Я бы не отказался от амасека, — сообщил Бернд.

— Он достанется кому-то из первых волн, — сказал Алекс. — Когда мы доберемся до цели, от башни останется один металлолом.

— Там посмотрим, — возразил капитан, хотевший, чтобы его экипаж помнил про обе части задания. Впрочем, про себя Микал решил, что штурман, скорее всего, прав.

— Кому-то определенно стоит нацелиться на эту башню, — заметил Бернд. — У меня есть скверное ощущение, что они будут посылать нас туда снова и снова, если штуковина устоит.

Капитан в этом не сомневался.

Подогнав ремешки шлема, Микал в третий раз проверил приборы и глубоко вздохнул. Затем, повернувшись к сидящему справа Бернду, капитан кивнул.

— Экипаж, переключка.

— Носовая турель - готов, — отозвался Дудак.

Микал посмотрел на сдвоенные лазпушки, выступающие из носовой турели «*Милости*». Его несколько успокаивало, что самые мощные оборонительные орудия «Мародёра» были направлены вперед - из

данных разведки капитан знал, что пилоты орочьих истребителей больше всего на свете любили играть с имперскими лётчиками в «Кто первый отвернет». К счастью, безумная отвага зеленокожих, как правило, давала сто очков вперед их меткости, и Микал надеялся, что носовой стрелок *«Милости»* Артур Дудак сможет разобраться со всем, что понесется прямо на бомбардировщик.

— Верхняя турель - готов, — спокойно и уверенно произнес Мацей Круль, хладнокровный и замкнутый человек, как думал о нем капитан. Ходили слухи, что стрелок весьма популярен среди женской части 1167-го крыла. Шум гидравлики сообщил, что Круль для пробы повернул турель.

«Ладно, — подумал Микал. — Если он сумеет завалить несколько истребителей, пусть после задания заваливает кого хочет, это уже не мое дело».

— Хвостовая турель — готов, — сообщил Фёдор Яворский, не сумевший скрыть нетерпение в голосе. Он явно не переживал из-за того, что оказался в самом уязвимом месте *«Милости Императора»* - вероятность выживания для хвостовых стрелков *«Мародёров»* была ужасающе низкой, поскольку уничтожение этой турели давало вражескому истребителю шанс на легкую воздушную победу. Впрочем, Фёдор как будто наслаждался подобным вызовом, и Микал не мог понять, почему - то ли из чистой отваги, то ли из-за воинственного пыла, а может, из-за проблем с психикой. Не то чтобы это имело значение, лишь бы Яворский прикрывал им хвост из тяжелых болтеров.

— Штурман - готов, — доложил Алекс.

— Бомбардир - готов, — ровно произнес Бернд.

— *«Милость Императора»* к взлету готова, — подытожил Микал, взглянув на командно-диспетчерский пункт, расположенный над огромной взрывостойкой переборкой.

— Благодарю, *«Милость Императора»*, вас понял, — ответил механический голос Даноша Борковского, руководителя полетов.

Бывший пилот сидел в диспетчерской, подключенный кабелями к консоли управления и озаренный зеленым сиянием, лучащимся с экраном ауспиков. Свет струился наружу через панели из закаленного стекла, и купол КДП казался выпуклым глазом гигантского насекомого, высунувшего голову из куколки и осматривающегося перед тем, как вспорхнуть и улететь во внешний мир.

— Ещё один новенький экипаж, — сказал Борковский самому себе, — готовится отдать всё ради Императора.

Данош представлял те смешанные эмоции, которые испытывали сейчас сидящие в бомбардировщике люди - возбуждение, накачанное адреналином, оупляющий страх и безнадежный оптимизм, надежда на успешное завершение первого боевого задания. Никто из них, думал Борковский, не готов к встрече с жестокой, хаотичной реальностью, ждущей лётчиков над зоной боевых действий. Впрочем, он мало что мог с этим поделать. Работа Даноша состояла в отправлении экипажей на миссию, и, если будет на то милость Императора, принятии их обратно.

Снова проверив полётный лист эскадрильи, бывший пилот удивленно воззрился на два слова в списке. *«Милость Императора»*. Аугментический вокс-имплантат Даноша скривился в гримасе, которую можно было посчитать улыбкой.

— *«Милость Императора»*, взлёт разрешаю.

Он услышал, как пилот произнес в знак подтверждения: «За Императора».

Взревели четыре прямоочных воздушно-реактивных двигателя, завибрировали стеклянные панели диспетчерской, и «Мародёр» стремительно рванулся вперед - в раскрытые ворота пускового отсека и дальше, во тьму космоса.

Микал отслеживал курс остальных машин 1167-го по ауспику, не забывая поддерживать визуальный контакт через плексигласовый фонарь кабины. На экране светились пятна из сотен точек, отмечавших координаты отдельных бомбардировщиков или истребителей, движущихся к цели в раздельном строю. Ручка управления двигалась в ладонях пилота - датчики «Милости» корректировали курс, не позволяя ей пересечь траектории с другими самолётами. Большая часть бомбардировщиков крыла уже заняла свои позиции, и строй 1167-го издали напоминал серое облако на фоне космической черноты. «Туча» поблескивала - мерцали фюзеляжные огни, и Микала немного успокаивала численность имперских сил. Целая флотская эскадрилья «Мародёров» представляла собой восхитительное зрелище и напоминала пилоту о словах Рыля на тему соединенной оборонительной огневой мощи.

— Внушает, — произнес Бернд, словно услышав мысли командира.

Микал ничего не ответил.

— Направляемся к назначенной позиции, — сообщил он немного позже и снова проверил ауспик. Отследив метку, обозначающую самолёт ведущего их звена, капитан изменил курс, направляя «Милость» к внешней границе «облака», где уже занимали свои места последние бомбардировщики. Сравнявшись по высоте с ближайшим из них, Микал изменил дистанцию до боевой машины так, что МИИМ2243 оказалась в самой дальней от центра точке ромбовидного строя.

Капитан медленно выдохнул, испытывая облегчение от пройденного этапа, и Бернд взглянул на него так, словно собирался что-то сказать, но передумал. Вместо этого бомбардир просто кивнул, и Микал склонил голову в ответ.

— «Милость Императора» на позиции, — доложил пилот по воксу.

— *Говорит «Божественное возмездие», вас поняла. Рада, что вы с нами,* — передали с ближнего бомбардировщика.

Его пилот, Катаржина Островская, осмотрела только что прибывший «Мародёр».

«Новички», подумала она, вызывая по внутренней связи Марека Заяца, хвостового стрелка.

— Заяц, они будут позади нас, с правого борта. Приглядывай за ними.

— Вы не становитесь чересчур сентиментальной ближе к старости, а, капитан? — с шутливым удивлением спросил Марек.

— Если их собьют, то мы окажемся следующими на очереди для орочьих истребителей, Заяц. Поэтому постарайся сделать так, чтобы новички оставались в воздухе и принимали на себя весь урон.

Катаржина постаралась, чтобы её слова прозвучали как можно более чётко, хотя на самом деле лётчица не была бессердечной. Просто ей предстояла уже третья кампания, и Островская повидала слишком много новеньких экипажей, сбитых в первом боевом вылете. Она надеялась, что сегодня

подобное не повторится.

К тому же, Катаржине приглянулся их стрелок верхней турели.

— Звучит разумно, капитан, — признал Заяц и тоже посмотрел на «Милость Императора». Мареку удалось разглядеть лица двух лётчиков через остекление кабины, и он поднял руку в знак приветствия. Бомбардир ответил тем же, а пилот просто посмотрел на Заяца, даже не пошевелившись.

— Новички, — пробормотал бортстрелок. — Император, сохрани нас.

Микал занимал экипаж постоянными проверками состояния самолёта и заставлял повторять задание по пунктам, но в кабине всё равно росло напряжение, пока «Милость» снижалась во внешних слоях атмосферы Балле-прим. Космическая тьма над ними отступала - на дальней стороне планеты занималась заря, и восходящее белое солнце бросало мерцающие лучики света через иллюминаторы турелей и остекление кабины. Бомбардировщик спускался всё ближе к поверхности, и капитан, опустив визор шлема, внимательно посмотрел вниз, на глубокую синеву океана. Главный континент Балле-прим укутывали облака, но огромные водные пространства были ясно видны и одинаковы на всем своем протяжении. Алекс через равные промежутки времени сообщал экипажу текущие координаты, и его голос с каждым объявлением звучал всё напряженнее.

— Пятнадцать минут до цели.

Взглянув вперед, Микал увидел, что эскадрилья уплотняет строй, образуя геометрически правильное облако, которому суждено обрушить смертоносный дождь на Балле-прим. Вдалеке капитан едва мог различить искорки света - возможно, выхлопы двигателей «Громов» из 38-го штурмового крыла, возглавлявших атаку.

— Дудак, Круль, Фёдор, флотские истребители появились?

Из хвостовой турели мгновенно отозвался Яворский.

— Так точно, капитан, подходят сзади.

Его слова подтвердил Круль из верхней турели.

— Капитан, я их вижу. Истребители занимают эшелон над нашим строем и, похоже, собираются остаться на этой позиции.

Микал почувствовал себя немного увереннее, хотя и знал, что долго это ощущение не продлится.

По мере снижения трёх эскадрилий их построения становились всё плотнее. Переговоры по воксу смолкли - каждый экипаж сосредоточился на предстоящем задании. Имперские самолёты неслись над бирюзово-голубым океаном, приближаясь к юго-восточной части дельты Балле, и Микал смотрел вниз, на безмятежную красоту единственной части этого мира, свободной от зеленокожих. Потом капитан заметил масляные пятна, оставшиеся на месте потопленных имперских судов, и это напомнило ему, что истребители зеленокожих скоро поднимутся в воздух, чтобы встретить новую угрозу со стороны моря.

Рыль, должно быть, увидел то же самое, потому что его голос зазвучал в вокс-канале.

— *Приготовьтесь к появлению орочьих истребителей - противник узнает о нашем приближении.*

Проверьте оружие.

Микал передал приказ экипажу.

— Стрелкам проверить оружие.

Вслед за этим «*Милость Императора*» содрогнулась - Круль и Фёдор, повернув турели, выпустили короткие болтерные очереди над океаном, и вибрирующий шум словно расколол неестественную умиротворенность полёта. Дудак выстрелил по волнам кратким импульсом из носовых лазпушек, и в кабину просочился запах энергетического разряда.

— Десять минут до цели, капитан, — сообщил Алекс.

— Бернд, включить бомбоприцел, — приказал Микал.

Хоулек развернул к себе смотровой экран и поправил накладку на окуляры, закрывшую его глаза наподобие резиновой маски. Теперь носовые камеры и сенсоры «Мародёра» передавали бомбардиру цифровое изображение поверхности планеты, позволяя наводить траекторию бомб на взлетно-посадочную полосу и ангары космопорта. Невзирая на любые дымовые завесы, иные помехи или маскировочные приемы врага в зоне боевых действий, Бернд мог уверенно поражать цели.

Посмотрев вперед, капитан заметил нечто, напоминающее мощный грозовой фронт, формирующийся над континентом, и нахмурился.

— Штурман, в прогнозе сообщалось о сложных погодных условиях над дельтой Балле?

Алекс просмотрел заметки на своем инфопланшете.

— Никак нет, капитан, ничего подобного.

Бернд поднял голову от бомбоприцела, и Микал услышал, как штурман, покинув свой пост, забирается в кабину, чтобы посмотреть на тучу своими глазами.

— Странно, — пробормотал Алекс, тоже нахмурившись.

И тут встревоженно заговорил Хоулек.

— Это не грозовой фронт, а облако выхлопных газов и несгоревшего топлива...

Словно в подтверждение его догадки, в передней линии имперского строя расцвело несколько оранжевых вспышек - с дюжину «Громов» 38-го взорвались в воздухе. Из тёмного облака вырвался рой чёрно-красных мошек с мерцающими огоньками на крыльях - этот смертоносный пушечно-пулемётный огонь терзал первую волну наступления. «Громы» немедленно ответили на возникшую угрозу, и пара десятков тёмных точек превратились в пылающие кометы, прежде чем два строя пронесли друг сквозь друга.

В вокс-канале снова раздался голос Рыля.

— К нам направляются ороочи истребители. Держите строй и цельтесь как следует.

— Почему они не появились у нас на ауспике? — спросил Алекс, наблюдающий за бойней.

— Неважно, — ответил Микал, на мгновение вспомнив испуганное лицо ангарного техника. — Вернись на пост.

Не нуждаясь в дальнейших понуканиях, штурман пригнулся и покинул кабину. Тем временем Бернд, забыв о бомбоприцеле, неотрывно смотрел на зрелище, разворачивающееся впереди.

— Святой Император, их там тысячи! — выпалил Хоулек, утратив всё хладнокровие.

— Бомбардир, к бомбоприцелу, немедленно! — приказал Микал.

Бернд снова спрятал лицо в резиновой «маске», а капитан *«Милости»* продолжал наблюдать за частью грандиозного Вааагх! Угскраги, накатывающейся на 1167-е. Некоторые чужацкие истребители устремились в погоню за «Громами», но остальные казались адски настроенными врубиться в строй более крупных бомбардировщиков. «Молнии» сопровождения ускорились и пронеслись над «Мародёрами», бросаясь наперерез приближающемуся врагу.

— Дудак? Не забывай о «Молниях». Выбери цель и жди моей команды, — произнес капитан.

— Мишеней тут достаточно, — отозвался бортстрелок, повысив голос, чтобы перекрыть шум гидравлики своей турели - он наводился на быстро приближающиеся самолёты зеленокожих.

— Пять минут до цели, — сообщил Алекс более уверенным тоном, чем прежде. Штурман явно лучше чувствовал себя в окружении привычных экранов и карт.

Расстояние между двумя построениями быстро сокращалось - враги сближались, словно кавалерийские лавы из саг древней Терры. Внезапно в рядах орочьих истребителей замелькали огоньки, и несколько передовых «Мародёров» взорвались. Первая волна бомбардировщиков немедленно ответила залпами лазпушек, за ней вторая, и, наконец...

— Огонь! — скомандовал Микал, и яркие, обжигающие лучи из турели Дудака объявили о вступлении *«Милости Императора»* в бой.

Чёрное пятнышко вдаль исчезло в пламенной вспышке, за ним другое и третье. Дудак поворачивал турель и стрелял, словно рабочий в кузне, забивающий ряд заклёпок в стальную стену. А затем *«Милость»* оказалась в радиусе действия орочьих пушек, и пилот услышал свист сотен зарядов, пронесшихся рядом с «Мародером», будто рой сверхскоростных шершней.

Самолёт тряхнуло, и Микал дернулся, услышав отголоски удара, пронесшиеся по фюзеляжу. На приборной доске немедленно вспыхнул тревожный красный огонёк - неполадки в правом дальнем двигателе. Бросив взгляд над сгорбленными плечами бомбардира, капитан увидел ползущие по крылу оранжевые язычки пламени, вырывающиеся из-под обтекателя.

— Бернд, правый дальний спекся. Туши его.

Подняв голову от бомбоприцела, Хоулек посмотрел направо расширившимися глазами.

— Трон Императора...

Протянув руку, Бернд нажал переключатель, и белое облако немедленно окутало обтекатель, сбивая пламя и за несколько секунд охлаждая раскаленную турбину.

Микал повернулся обратно как раз вовремя, чтобы увидеть огромную чёрную тучу, растущую перед носом «Мародёра», и слишком поздно понял, что это очередная жертва Дудака, превратившаяся в вихрь дыма и горящего прометия. Пилот инстинктивно закрыл глаза, и *«Милость Императора»* пронеслась прямо через огненную бурю. Раздалось несколько тошнотворных ударов - обломки сталкивались с

передними кромками крыльев и фюзеляжа.

Бомбардировщик вновь задрожал, когда Круль открыл огонь из штурмовых болтеров, и к нему немедленно присоединился Фёдор. Передовые ороczy истребители, с воем пронесившиеся над «Милостью», оказывались в секторах обстрела её верхней и хвостовой турелей.

В это время Микал пытался отслеживать взглядом самолёты зеленокожих, воздушные машины, не похожие ни на одни из виденных им ранее. Истребители обладали корпусами странных пропорций, деформированными под тяжестью громадных двигателей, которые изрыгали нечистое пламя и маслянистые клубы выхлопных газов. Грубые обозначения, выполненные в чёрном, желтом и красном цветах, покрывали склепанные крылья и фюзеляжи. Сильнейшее впечатление, впрочем, производили ряды орудий, неумолкаемо палящих по имперским самолётам. Глядя на пушки и пулемёты, усыпавшие крылья истребителей до самых законцовок, пилот – впервые с тех пор, как оказался в Имперском Флоте – решил, что защитное вооружение «Мародёра», возможно, слабоватое.

Из пелены подобных откровений Микала вырвала серия резких ударов. Попадания покрыли трещинами бронестекло кабины перед его лицом, и через белую сетку капитан увидел орочий самолёт, несущийся прямо на «Милость» и стреляющий из всех орудий. В последний момент чужак отвернул, и Микал успел кратко заметить скалящуюся зеленую морду в очках-«консервах». Из открытой кабины струился длинный белый шарф, который орк повязал себе на шею, словно изображая аса-истребителя давно минувших эпох. Рот ксеноса – огромная пасть, окруженная громадными клыками – был широко распахнут, тварь то ли рычала от гнева, то ли хохотала, проносясь мимо «Мародёра».

С омерзением отвернувшись от такого зрелища, Микал взглянул вперед. То, что он увидел там, можно было сравнить только с кошмарными образами ада.

Бомбардировщики один за другим сваливались в смертельный штопор, оставляя за собой спиральные огненные следы. В небе повсюду мелькали оторванные двигатели и крылья, отделенные от гибнущих фюзеляжей и вертящиеся в воздухе, словно какое-то жуткое конфетти. Густые облака чёрного дыма отмечали места последнего, катастрофического упокоения самолётов, принадлежность которых уже никто не смог бы определить. Трассирующие заряды и лучи лазпушек прошивали небеса во всех направлениях, и «Милость Императора» содрогалась, получая намеренные или случайные попадания.

Посмотрев налево, Микал с облегчением увидел, что «Божественное возмездие» по-прежнему в воздухе, а его турели плюются огнем и вертятся, словно обезумевшие глазные яблоки. Вид другого «Мародёра», летящего прямо и уверенно, позволили капитану вновь сосредоточиться и подавить растущее в животе чувство паники. Спокойствия Микалу прибавляли хоть и напряженные, но не умолкающие переговоры бортстрелков «Милости».

— Один заходит слева, Мацей.

— Дудак, веду его... Он твой, Фёдор.

— Сбит!

— Фёдор, смотри, там другой, на семь часов.

Микал слышал грохот болтеров Круля и Яворского, а «Милость» тем временем содрогалась от новых попаданий в левый борт. Затем откуда-то сзади донесся глухой хлопок.

— Есть! — крикнул Мацей.

— Немного помог хвостовой стрелок *«Возмездия»*, капитан, — тут же добавил он.

Взглянув на братский бомбардировщик, Микал порадовался, что они не одни.

А потом пилот боковым зрением заметил, что ближний левый двигатель плюется топливом и маслом из неровной полосы рваных дыр в обтекателе. Проверив приборы, Микал обнаружил серьезную утечку прометия и повернулся к Бернду, сгорбленному над прицельной консолью – бомбардир держал ладони на рычаге управления и кнопке сброса. Прежде чем капитан успел что-то сказать, снизу раздался голос Алекса.

— Две минуты до цели.

— Бомболок открыл, — отозвался Хоулек.

Вслед за этим *«Милость Императора»* слегка накренилась – распахнувшиеся створки изменили баланс самолёта. Крепче сжав ручку управления, Микал выровнял *«Мародёра»* и удержал его на траектории.

Снова быстро взглянув налево, пилот увидел, что из ближнего двигателя теперь вырываются струйки дыма и понял, что его придется отключить. Микал потянулся к нужному рычажку через приборную панель перед бомбардиром, ничего не замечавшим вокруг себя.

— Бернд, я останавливаю ближний левый, не отвлекайся от прицеливания.

Потеряв часть тяги, *«Милость»* начала немного рыскать, и пилот отработал педалями рулей управления. Бомбардировщик отреагировал на его усилия, и тут же прозвучал голос Хоулека.

— Цель подтверждена, готовлюсь к сбросу.

Уставившись вперед, Микал не увидел ничего, кроме громадных клубов чёрного дыма, скрывавших космопорт, последствий урона, нанесенного врагу первыми волнами *«Громов»* и *«Мародёров»*. Как только самолёт вошел в плотное облако, передняя турель замолчала – Дудак просто не видел целей. Круль и Фёдор, впрочем, по-прежнему непрерывно палили из хвостовой и верхней установок. Бернд, склонившийся над бомбоприцелом, словно в молитве, начал читать по воксу повторяющиеся «псалмы».

— Так держать... Так держать... Не отклоняйтесь, капитан...

Перед ними летело *«Божественное возмездие»*, все двигатели которого работали. На глазах Микала бомбардировщик устремился вперед – бомболок открыт, хвостовая турель поворачивается, изрыгая болтерный огонь в цели позади самолёта.

— Так держать... Так держать... — продолжал сгорбленный Бернд, державший почти окостеневшие руки на спусковом механизме.

Пилот увидел полосы трассирующего огня, летящие к ним из космопорта, словно струи красно-оранжевых метеоров, и понял, что не сможет уклониться, даже если захочет. Отвернуть с захода на цель уже нельзя.

— Так держать... Святая Терра! — вскрикнул бомбардир, когда зенитные снаряды пробили левое крыло *«Милости»*.

Пытаясь удержать управление, Микал заметил, что *«Возмездие»* успешно завершило проход.

— Я справлюсь, Бернд, просто сбрось бомбы, — стиснув зубы, произнес пилот.

Хоулек словно притих на долю секунды и замер над прицелом.

— Бомбы ушли, — доложил он мгновение спустя.

Несмотря на все усилия Микала, «*Милость Императора*» рванулась вверх, на этот раз не от попаданий, а освободившись от трех тонн мощной взрывчатки, несущейся сейчас к основной цели. Вместе с «Мародёром» поднялось и настроение капитана – они выполнили первую часть задания. Теперь пришел черед дополнительной цели, орочьей постройки, и пилот попытался отыскать её взглядом в облаках дыма и пепла.

— Бернд, переключись на ракеты и ищи башню.

— По моим расчетам, она прямо впереди! — возбужденно крикнул снизу Алекс.

Хоулек щелкнул рычагом управления, задавая новые параметры прицельному ауспику.

Летающее впереди «*Возмездие*» скрылось в колонне чёрного дыма, и Микал понял, что им придется вслепую последовать за ведущим.

— Навелся на башню, Бернд? — нетерпеливо спросил пилот.

— Не уверен, капитан, я думаю, ауспик не в полном порядке, — нервно ответил бомбардир.

Микал выругался.

— Продолжай поиски. Дудак, видишь что-нибудь?

Носовая установка как раз начала поворачиваться вслед за орочьим истребителем, пронесшимся перед «*Милостью*».

— Капитан?

Прежде чем пилот успел ответить, «Мародёр» поглотила колонна дыма. Почти сразу же умолкли турели – Дудак, Круль и Фёдор мгновенно лишились визуального контакта с целями. В наступившей *относительной* тишине следующий вопрос Микала показался излишне громким.

— Дудак, ты видел орочью башню?

— Никак нет, капитан, ещё не... Святой Бог-Император! — вскрикнул бортстрелок.

Вырвавшись из дыма, «*Милость*» оказалась прямо перед серьезно поврежденной, но все ещё стоящей конструкцией зеленокожих. Грубая, чудовищно огромная башня нависла над лётчиками, словно гигантский могильный камень, установленный на месте их неизбежной гибели.

В следующие секунды время словно замедлилось для экипажа «Мародёра», и одновременно произошло несколько событий.

Бернд конвульсивно дернул пусковой рычаг, и две ракеты «Адский удар» сорвались с крыльевых креплений.

Микал инстинктивно завалил ручку управления влево и изо всех сил ударил по педалям рулей, чтобы ускорить поворот.

Левое крыло ушло вниз, правое встало почти вертикально, и у членов экипажа вырвались панические

крики. Испытывая сильные продольные перегрузки, «Милость Императора» отвернула от постройки ксеносов.

Орочий истребитель, управляемый пилотом в белом шарфе, пронесся мимо имперского самолёта и врезался в башню.

Объединенные взрывы двух «Адских ударов» и доверху залитой прометием боевой машины окутали конструкцию огромным огненным шаром. Ударная волна, подхватив «Мародёр», отбросила его прочь от дополнительной цели 1167-го крыла, словно камень, выпущенный из пращи. Отчаянно вытягивая на себя ручку управления, Микал услышал крик Фёдора из хвостовой турели.

— Капитан, башня! Она падает!

Не имея ни секунды на то, чтобы обернуться, пилот продолжал вытаскивать «Милость Императора» из пике. Наконец, Микал постепенно выровнял самолёт руками, трясущимися от выброса адреналина, и лишь затем его мозг осознал, что «Мародёр» теперь летит прямо, а не уносится к земле, чтобы превратиться в пылающие обломки. Правда, «Милость» замедленно слушалась управления, словно ей, как и пилоту, требовалось какое-то время, чтобы перевести дыхание после спасения от близкой гибели.

Бернд поднял глаза от бомбоприцела в первый раз с того момента, как «Мародёр» начал заход на цель. Глаза бомбардира немного косили, Хоулек щурился, пытаясь справиться с калейдоскопом цветов, мелькающих в его поле зрения. Как и прежде, по небу во всех направлениях проносились самолёты, горели бомбардировщики, разрывались зенитные снаряды и мелькали, словно на каком-то красочном световом шоу, пересекающиеся трассеры.

На лице своего бомбардира Микал увидел смесь потрясения и замешательства. Обычно хладнокровный Бернд пытался осознать всю кошмарную полноту мира, в котором он внезапно оказался – последние две минуты Хоулека защищало от неё относительное спокойствие прицельного экрана.

Всего две минуты? Они тянулись, словно два часа.

— Бернд, проверь левое крыло. Кажется, мы получили попадание, — нетерпеливо, но твердо произнес капитан, желая поскорее привести того в норму. Микал нуждался в помощи бомбардира, чтобы поскорее увести «Милость Императора» от дельты Балле.

— Что? Да, конечно, капитан, — отозвался Хоулек, и, взглянув через левое плечо командира, мгновенно побледнел.

— Капитан... Левое крыло в клочья.

Не удержавшись, Микал повернулся на кресле и увидел, что Бернд прав. За внешним левым двигателем торчал зазубренный обломок крыла и ничего более – это объясняло, почему по башне они выстрелили только двумя правыми ракетами. «Адские удары» с левой стороны оторвало вместе с куском планера, и пилоту не хотелось думать, что произошло бы, если б хоть один из них взорвался, будучи прикрепленным к самолёту. Оторвав взгляд от исковерканного крыла, Микал быстро, но чётко начал отдавать команды экипажу.

— Алекс, прокладывай курс из этой зоны к «Неудержимому наступлению». Бернд, проверь, сколько топлива мы потеряли, и хватит ли оставшегося для подъема в верхние слои атмосферы. Бортстрелки, что с боекомплектом?

— У меня последние пятьсот зарядов, — доложил Круль.

— Чуть меньше, — отозвался Фёдор.

Из носовой турели никто не ответил.

— Дудак? Ты там? Дудак?

Только статические помехи в воксе.

— Бернд, проберись вперед и посмотри, что с ним, — приказал Микал.

— Капитан, орки, — резко вклинился Мацей. — Истребители, на пять часов.

Практически тут же он сам и Фёдор открыли огонь, а капитан отработал рулями вправо, заметив первые трассы, пронесшиеся возле фонаря кабины. При этом Хоулека, как раз пытавшегося добраться до носовой турели, бросило о стенку фюзеляжа.

— Фёдор, на семь часов! — крикнул Круль, из голоса которого пропало всё хладнокровие. Болтеры грохотали в унисон. Отклонив ручку управления влево, чтобы снова сменить курс, Микал услышал стон Бернда — тот отлетел к другой стенке. Мимо самолёта пролетели две огненно-красные ракеты, их маслянистые инверсионные следы обвилились вокруг правого крыла «Милости».

— Терра, чуть не огребли, — выразился Алекс, услышав парный взрыв впереди «Мародёра».

Выполнив очередной разворот с креном, капитан снова увидел Хоулека — тот поднялся на ноги, держась за бомбоприцел.

— Что с Дудаком? — спросил Микал.

— Шок. Из-за башни. Он думал, что погиб, — объяснил Бернд, забираясь обратно в кресло. Капитан снова резко отработал рулями — и опоздал.

Позади кабины прозвучал мощный хлопок, и Микал инстинктивно пригнулся. Весь самолёт содрогнулся, болтеры Круля умолкли.

Кабина наполнилась дымом и настоящим облаком осколков стекла. Даже через дыхательную маску ощутив отчетливый запах жареного мяса, сбитый с толку пилот поднял взгляд и увидел Хоулека, странно смотрящего на свой лётный комбинезон. В груди бомбардира обнаружилась сквозная дыра размером с кулак, и точно такая же зияла впереди, в фюзеляже «Мародёра». Медленно повернув голову к Микалу, Бернд, глаза которого быстро покинула жизнь, завалился прямо на ручку управления, и «Милость Императора», клюнув носом, устремилась вниз. Тело бомбардира безнадежно прижало пилота к стенке кабины, и он чувствовал, как самолёт ускоряется, сваливаясь в гибельный штопор над океаном Балле-прим.

— Святой Император... Алекс! Сними его с меня. Сними его!

Пока Микал пытался сбросить мёртвый груз, ручка управления оставалась зажатой между капитаном и трупом Бернда. Оставшиеся две турбины «Мародёра» начали тревожно завывать, предупреждая, что скорость бомбардировщика ещё возросла. Пилотом овладело отчаяние — он не собирался умирать вот так. Не здесь. Не сегодня.

Вечная ярость снова вспыхнула внутри Микала, и на этот раз лётчик не стал сдерживать её. Используя

накопившуюся за годы досаду и гнев, он обрел новые силы в этой смертельной схватке, которую просто *отказывался* проигрывать.

— Отвали от меня, ты, мудака бесполезный! — крикнул капитан в безжизненное лицо Бернда, оказавшееся в сантиметрах от его собственного, и, на нечеловеческом выбросе адреналина, оттолкнул прочь залитое кровью тело. Труп, пролетев по кабине, врезался в Алекса, карабкавшегося на помощь Микалу, и тщедушного штурмана отбросило назад к его посту. Погибший Бернд прижал Иеронима к столу для прокладки курса, словно пьяный любовник, и тот, с ужасом воззрившись на обвисшее лицо друга, скинул мертвеца на пол. Заметив в груди бомбардира зияющую рану, из которой хлестали багровые струи артериальной крови, заливая обычно аккуратное рабочее место штурмана, Алекс заорал.

— Что такое? — спросил Фёдор по воксу. — Круль? Круль?!

У Микала не было времени на ответ. Схватив ручку управления, ставшую липкой от крови, пилот бешено потянул её, используя остатки адреналина. Не жалея сил, капитан давил на педали рулей направления, и постепенно «*Милость Императора*» начала отзывать. «Мародёр» медленно вышел из штопора, и, сжав зубы, Микал потянул ручку управления на себя, упираясь в диафрагму. Нос израненного бомбардировщика понемногу поднялся.

— Круль? Круль? — не умолкал Яворский.

— Заткнись, Фёдор! — рявкнул пилот.

— Капитан, кто там кричит? Круль?

Микал отключил вокс-канал Алекса на приборной панели, и вопли резко оборвались.

— Фёдор, противник. Где истребители?

— Истребитель, капитан, — поправил Яворский. — Мацей сбил одного, перед тем, как в нас попали.

Теперь «*Милость*» летела ровно, поэтому пилот рискнул оглянуться через плечо и посмотреть, что произошло с Крулем. Увидев раскуроченные обломки верхней турели и безголовое тело бортстрелка, повисшее на страховочных ремнях, Микал повернулся обратно к приборной панели. *Бернд и Круль*.

«Наш «Мародёр» похож на мясническую лавку», чёрство подумал капитан.

— Слушай, Фёдор, — четко и ясно произнес он. — Круль и Бернд не уцелели.

Хвостовой стрелок ничего не ответил.

— Фёдор, что по боекомплекту?

Молчание продолжилось.

— Фёдор?! — громче повторил Микал.

— Ничего, капитан. Я пустой.

Это не удивило пилота - Яворский почти непрерывно вел огонь с того момента, как они начали заход на цель.

— Ладно, оставайся наготове и докладывай обо всех орках, что прицепятся к нам, — успокаивающим тоном ответил Микал.

— Как вот этот, да? — уточнил Фёдор.

— Что? Где?

Развернувшись в кресле, пилот с изумлением увидел прямо за обрубком левого крыла орочий истребитель, а в нём — зеленокожего пилота, щерящего клыки и смотрящего на Микала горящими красными глазами.

Чужацкая боевая машина была окрашена в чёрный цвет, с клетчатым узором по окружности обтекателя громадного двигателя. Под крыльями торчали пустые крепления для ракет, направленные вперед пушки и пулемёты молчали.

— Патроны кончились, — вслух произнес капитан.

Словно поняв, о чем думает человек, орочий пилот покачал крупной башкой и, расплывшись в мерзкой улыбке, ткнул когтистым большим пальцем себе за спину. Посмотрев на заднюю часть закопченной кабины истребителя, Микал увидел мелкого зеленокожего, ворочающего пару тяжелых пулемётов, направленных в сторону хвоста. Второй ксенос отчаянно пытался развернуть свою установку и поймать в прицел поврежденный «Мародёр». Когда ничего не вышло, хлипкий чужак что-то затараторил, обращаясь к пилоту. Тот кивнул, и уродливый истребитель, изрыгая маслянистый дым из многочисленных выходных сопел, начал опережать «Милость Императора». Капитан понял, что орк собирается занять позицию перед носом бомбардировщика, чтобы дать своему бортстрелку шанс на смертельный залп.

Решение чужака оказалось ошибочным.

Сдвоенные лазпушки носовой турели «Милости» внезапно пробудились к жизни, насквозь пронзив яркими лучами энергии вражеского лётчика и фюзеляж его боевой машины. Орочий истребитель, пилот и бортстрелок исчезли в ослепительной вспышке, за которой последовал мощный, сотрясший «Мародёра» взрыв.

Микал на мгновение опешил.

— За Бернда и Круля, — произнес голос в воксе.

— Дудак... — только и сказал капитан.

Из хвостовой турели донесся смешок — или же Фёдор всхлипнул?

А потом в вокс-канале воцарилась тишина, и пилот понял, что впервые с начала атаки они остались в воздухе одни. «Милость», покинув дельту Балле, удалялась от берега и всё ещё держалась. Кое-как.

Понимая, что ему нужно заставить выживших членов экипажа собраться, иначе никаких шансов на возвращение к носителю не останется, Микал обернулся к посту штурмана. Алекс беспрерывно раскачивался на кресле, у его ног, лицом вниз, лежало тело Бернда. Поскольку Иероним больше не кричал, капитан снова подключил штурманский вокс-канал.

— Алекс, ты должен проложить нам курс к «Неудержимому наступлению».

Ответа не последовало.

— Алекс, ты меня слышишь? Мне нужны твои расчеты.

Штурман продолжил раскачиваться вперед-назад, и вместо него заговорил Дудак.

— Капитан, заметил впереди «Мародёр».

Повернувшись, Микал увидел вдали пятнышки света - форсажные камеры «*Божественного возмездия*».

— Молодец, Дудак, — облегченно произнес пилот. — Вот и наш курс.

Осторожно отклонив ручку управления, капитан направил «*Милость*» к ведущему самолёту. Только потянувшись, чтобы стереть запекшуюся кровь с приборной панели, Микал понял, что его руки перестали трястись.

На взлетной палубе «*Неудержимого наступления*» Аарон Рыль выскользнул из носового люка своего бомбардировщика, «*Ярости Императора*», и направился к контрольно-диспетчерскому пункту. Повсюду из поврежденных самолётов выходили бойцы его эскадрильи - те, кто мог держаться на ногах. Бригады медиков спешили от «Мародёра» к «Мародёру», извлекая обожженных, израненных лётчиков или, время от времени, забираясь внутрь, чтобы оказать неотложную помощь тем, кого нельзя было переносить. Потери оказались значительными - погиб каждый четвертый самолёт, а почти все уцелевшие получили повреждения. Совсем не радостный Рыль поднялся по трапу в диспетчерскую, где и обнаружил руководителя полётов, склонившегося над экранами ауспиков и занятого проверкой списка вернувшихся бомбардировщиков.

— Борковский, кто ещё снаружи? — требовательно спросил Аарон.

Изучив данные ауспика, Данош отыскал серийный номер последнего самолёта.

— МИИМ2243, — ответил он механическим тоном.

— Кто такие? — теперь Рыль тоже смотрел на полётный лист эскадрильи.

— «*Милость Императора*».

— Новички? — удивленно переспросил командир. — Они же вроде как врезались в орочью башню?

— Похоже, что нет, — заметил Борковский.

Оба офицера посмотрели вниз, на посадочную палубу, где в ожидании прибытия последнего самолёта стояли, разбившись на группы, выжившие члены экипажей. Кто-то из лётчиков начал показывать на ворота ангара, и «*Милость Императора*» медленно вползла в поле обзора диспетчерской.

— Святой Трон Императора, — выразился Рыль.

Стальная челюсть Борковского дернулась, но он промолчал.

«*Милость*» неуверенно зависла в воздухе на двух уцелевших двигателях, почти касаясь палубы. Несколько мгновений спустя бомбардировщик неуклюже совершил посадку, сопровождаемую глухим ударом. Глаза всех собравшихся были прикованы к «Мародёру», к полученным им ужасным повреждениям.

Из обрубка левого крыла, похожего на ампутированную руку, сочилась гидравлическая жидкость. Рядом с двумя бесполезными, обожженными и почерневшими двигателями дымились их перегруженные

близнецы. Через бесчисленные пробоины и рваные дыры в фюзеляже виднелось нутро бомбардировщика; из множества отверстий в хвостовой части струился свет. С обломков разбитой верхней турели по корпусу тянулись потеки замороженной крови. От изначальной расцветки «Мародёра» почти ничего не осталось – большую часть плоскостей покрывали сажа и копоть, оставшиеся после пролёта рядом с огненным шаром, объявшим орочью башню.

Никто не трогался с места, не бежал на помощь – люди на палубе не могли поверить, что внутри остался кто-то живой. Они смотрели на летающий гроб.

Оставив бутылку амасака в диспетчерской, Рыль поспешил вниз.

Внутри «Милости Императора» Микал снял дыхательную маску и несколько секунд сидел неподвижно. Молчание нарушил вопрос Фёдора из хвостовой турели.

— Разрешите покинуть машину, капитан?

— Разрешаю, — отозвался Микал.

Пилот не знал, что ещё сказать. Понимая, что должен испытывать облегчение, даже счастье от того, что выжил на первом задании, капитан вместо этого чувствовал стыд. Он стыдился той ненависти, которую испытал к погибшему Бернду, когда израненное тело бомбардира едва не погубило их всех. Микал не мог заставить себя посмотреть на труп Круля, висящий сзади, словно сломанная марионетка. Ещё один член экипажа, которого он не сумел доставить обратно живым.

В мрачные мысли пилота вторгся голос Дудака.

— Капитан, к нам идет командир эскадрильи.

Посмотрев наружу через потрескавшееся стекло, Микал увидел Рыля, выбирающегося из сгрудившейся толпы.

«Не сейчас», подумал пилот.

С трудом поднявшись с кресла, он отыскал взглядом Иеронима, который по-прежнему качался взад-вперед, крепко зажмурившись.

— Алекс, — позвал Микал, наклонившись к посту штурмана. — Алекс...

Тот всё так же раскачивался на кресле.

Пилот протянул руку, собираясь положить ладонь ему на плечо, но в этот момент кто-то начал открывать входной люк с внешней стороны. Смятую панель пришлось выдирать, так что истерзанный металл фюзеляжа буквально завизжал.

Услышав это, штурман перестал качаться, и, широко разинув рот, зашелся в крике.

— Алекс, хватит, — Микал обнял его за плечи.

Но Иероним продолжал вопить, и пилот, обеими руками схватив бьющегося в истерике парня, повалил его на залитую кровью палубу «Милости Императора».

Там их и нашел Рыль – капитана и штурмана в его объятиях, лежащих рядом с трупом бомбардира,

покрытых запекшейся кровью. Микал поднял холодные глаза на командира эскадрильи. С губ пилота раз за разом срывалась всё та же мантра.

— Мы не должны показывать слабость, не должны. Выказать слабость - значит умереть...

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Милость_Императора/_The_Emperor%27s_Grace_\(рассказ\)&oldid=6519](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Милость_Императора/_The_Emperor%27s_Grace_(рассказ)&oldid=6519)

Эта страница в последний раз была отредактирована 20 октября 2019 в 18:57.